

КИФА

2(5)

СОВМЕСТНОЕ
ИЗДАНИЕ
СВЯТО-
ПЕТРОВСКОГО
БРАТСТВА

(САНКТ-
ПЕТЕРБУРГ)

ФЕВРАЛЬ

И
ВОСКРЕСЕНСКОГО
БРАТСТВА
(МОСКВА)

2003

в газете использованы
материалы
сайта www.sfi.ru

ЦЕРКОВЬ И МОЛОДЕЖЬ



Митрополит Волгоградский
и Камышинский Герман

- Владыко, у Вас в епархии активно ведется молодежная работа. Не могли бы Вы, опираясь на этот опыт, сказать в нескольких словах, как избежать в этой работе поверхностности, успокоенности внешним?

- Только одним способом: чтобы было больше приходов и достаточное число священников, способных с детьми и молодежью заниматься. И еще: конечно, нужно открывать православные культурные центры везде, где это только можно. В таком городе, как Волгоград, их должно быть по крайней мере сто, как мне кажется.

- Могли бы миряне, в том числе и воцерковленные молодые люди в общении со своими нецерковными сверстниками, как-то участвовать в этой работе?

- Так на них только и надежда вся. Их только надо мобилизовать на это, воодушевить, и необходимо работать в этом направлении и архиереям, и благочинным, и духовенству, и религиозно образованным молодым людям и девушкам. Думаю, что здесь очень может помочь и союз православных женщин, если его где-то организуют, как мы это уже сделали у себя в Волгограде.

АНОНС:



15 февраля, в праздник Сретения отмечается Всемирный день православной молодежи.

Сретение - это встреча старого и молодого.

Поэтому наш февральский номер наполнен молодежной проблематикой.

Ей посвящены три интервью:

с митрополитом Волгоградским и Камышинским Германом (с. 1),

с главой молодежного отдела Санкт-Петербургской епархии священником Артемием Скрипкиным (с. 5)

и с ответственным за молодежное движение Преображенского содружества Александром Копировским (с.5).



Кроме того, сегодня в гостях у нас - молодежная газета «Фикс религиозус» (с. 4)

Приверженность нашей газеты теме диалога остается неизменной. Ей посвящены материал о жизни православных в Финляндии (с. 2) и статья нашего постоянного автора

Бориса Колымагина «Межрелигиозный диалог в Крыму» (с. 6).

И, наконец, на с. 7 можно с помощью искусствоведа Анны Флорковской, рассказывающей о творчестве московских художников 70-х годов XX века, войти в многомерное пространство диалога церкви и культуры.

УМЕНИЕ СТАВИТЬ ПРАВИЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

размышления университетского преподавателя о кризисе образования

Трудно избежать соблазна, не начав с печальной констатации, — образование повсеместно переживает острейший кризис. Цивилизованный мир уверенно дрейфует в сторону профессионализации и специализации образовательного процесса, превращая последний лишь в инструмент, пусть пока и основной, социализации индивидуума, а точнее, в техническое условие его комфортного существования. Образованность выпала из джентльменского набора, ее отсутствие больше не признак ущербности, тем более, что на успешности — главном критерии человеческой состоятельности — это давно никак не сказывается. В начале века общественная элита могла быть глухо недовольна засильем в школе древних языков и классической литературы, и тем не менее считала признаком хорошего тона уверенное владение «ненавистными» предметами. Конечно, скорее всего именно выходившие цели и смысла из подобных атрибутов элитарности и привело к их последующему выпадению из жизни. «Латынь из моды вышла ныне», классическая литература в ряде стран, как, например, в ФРГ, становится

факультативным предметом школьной программы, и в этом отношении допуск в элитарные общественные круги существенно облегчился. Кто-то усмотрит в этом торжество демократических принципов, но такое впечатление кажется несколько однобоким или даже обманчивым. Ведь в целом уровень образованности от таких процессов не растет, а только падает, что и ведет к ощущению явного кризиса в этой сфере.

В XIX веке в России был известен принцип: «Под образованием следует понимать образование ума и сердца». Буквальный смысл термина помог выявить едва ли не самое существенное и одновременно трудноуловимое качество образования. Оказывается, оно в первую очередь должно содействовать становлению человеческой личности. При таком понимании образованный человек не тот, кто хорошо знает избранное дело, и даже не носитель некоторого традиционного набора знаний. Это скорее тот, кто не робеет перед многоликим обилием окружающего мира, не боится незнания, потому что хорошо видит путь превращения незнаемого в знакомое. Он



Тадеуш Кантор, Эдгар Уорпол. Человек с чемоданами

знает, с чего начать движение по такому пути, как не заблудиться, не совершить непоправимых ошибок. Одновременно такой человек умеет отличить неведомое сейчас от вечной тайны, всегда недоступной в существе, но этой же непостижимостью поддерживающей все то, что может быть доступно человеческому ведению.

Но не есть ли это подернутое ностальгией сетование лишь беспомощное нытье неприкаянных неудачников, неспособных доказывать действием свою состоятельность? Не потому ли они так часто противятся идеологии успеха, что лишены социальной энергии и поэтому или ни за что не берутся, или ничего не могут довести до конца? Не напоминает ли все это угрюмые завывания антиглобалистов, твердящих благородные по видимости лозунги, но органически не способных к какому-либо созиданию?

И еще один вопрос: были ли исторические прецеденты этого «настоящего» образования, и если да, то о каких «золотых временах» идет речь, часом не об античной ли Греции в паре с позднесредневековыми университетами?

(Продолжение на стр. 8)

РУССКИЙ ПРАЗДНИК В ФИНСКОМ ПРИХОДЕ

25-26 января в православном приходе св. Германа Аляскинского во втором по величине городе Финляндии, Эспоо, состоялись четвертые ежегодные русскоязычные «Дни православной духовности». Как всегда, в них приняли активное участие гости из России — священнослужители и миряне из Москвы, Санкт-Петербурга и Архангельска. Преподаватель Свято-Филаретовского института Виктор Котт (Москва), настоятель Заостровского Свято-Сретенского храма священник Иоанн Привалов (Архангельск), катехизатор Свято-Петровского братства, бакалавр богословия Александр Буров (Санкт-Петербург) выступили с сообщениями на темы о старчестве, об истории и сегодняшнем дне православных братств. Это скромное по своим масштабам мероприятие интересно тем, что в нем находят свое отражение и отчасти смягчение и проблемы, характерные для «западного» православия (недостаточность общинной жизни, необходимость последовательной и полной катехизации, многоязычность прихода, и проблемы русскоязычного меньшинства (малая церковность, духовный и культурный провинциализм)).

Финская православная церковь — одна из тех поместных церквей, где еucharистическое возрождение состоялось. Приход святого Германа Аляскинского — один примеров этого явления. Литургия совершается там «едиными устами и единым сердцем», чему не мешает прозрачный иконостас. Предстоятель молится вслух, все поют и в конце службы все причащаются. Поэтому в Эспоо особенно остро переживается



Кирилл Борисович Глушков

неполнота приходской жизни, потребность в «евхаристии после евхаристии». Настоятель храма, священник Хейкки Хуттунен, всерьез думает об устройении в приходе общинной и братской жизни. Он одним из первых среди финских священников начал всерьез заниматься во-

церковлением русскоязычных прихожан. Человек образованный и опытный, успевший поработать в ВСП и президентом Синдесмоса, о. Хейкки внимательно изучает опыт Преображенского содружества, в т.ч. и как того духовного движения, что стремится открыть ехаристичность нашей повседневной жизни.

Мы приводим здесь отрывок из беседы с одним из участников «Дней православной духовности», Кириллом Борисовичем Глушковым, членом Гельсингфорского приходского (епархиального) совета, бывшим старостой храма святого Германа Аляскинского:

«Я гражданин Финляндии с рождения. Мои предки приехали в Финляндию 100 лет назад, но жили до II мировой войны в Карелии, довольно близко от Петербурга, но с Финской стороны границы. После войны всех жителей этого района, теперь он называется Зеленогорск, перевезли в город Ярвенпяа, который находится в 37 км севернее Хельсинки. Там есть православная церковь, в которой служат на финском, церковнославянском, русском, шведском, греческом, румынском, эфиопском, саамском, армянском языках.

Я желал бы, чтобы на «днях православной духовности» присутствовало намного больше людей. Нас было 40 человек, а сейчас в Финляндию переехала из России 31 тысяча человек. Каждый год 600 человек из России вступают в браки с финскими гражданами. Так что тут есть большие возможности для работы с русскоговорящими людьми. Хорошо, что церковь в Эспоо занимается такой работой. Я считаю, что такой работы с русскими было

слишком мало. Очень поздно спохватились, что надо что-то делать. До последнего времени количество православных в Финляндии уменьшалось из-за ассимиляции и смешанных браков с лютеранами. Ведь Финляндия — очень лютеранская страна.

Архиепископ Иоанн, который сейчас ушел на пенсию, не занимался этой проблемой до тех пор, пока Московская патриархия не начала открывать здесь новые приходы. Тогда он стал говорить, что здесь создается вторая церковь. А десять лет он ничего не делал. Я ему писал письма и говорил, что пора начать шевелиться, что из-за ассимиляции у нас уменьшается число православных. Ухудшается и качество, в церковь ходят только старые люди.

С начала 2002 года у нас архиепископ Лев, по происхождению карел, с северного побережья Ладоги. Он молодой парень. Он сразу стал беспокоиться о том, что наша церковь должна заботиться о новоприбывших русских. Еще тут много репатриантов из России, финнов по национальности. Они часто православные или некрещеные, имеют православных родственников.

Сейчас в Финской церкви нет ни одного священника, для которого русский язык был бы родным языком. Есть один священник Виктор Порокара из города Ярвенпяа. Он этнический русский, его предки 275 лет назад переселились в Финляндию, но он закончил финскую школу и почти не говорит по-русски. Церковное управление сейчас учредило зарплату, чтобы иметь русскоговорящего священника. Его уже выбрали, он из Москвы. Он будет жить в городе Коувала и оттуда ездить в разные города и служить на русском или церковнославянском языках. В тех приходах, где мало прихожан, служба в главной церкви идет не каждое воскресенье. В каждом приходе (т.е. церковном округе — прим. ред.) есть много церквей и часовен. Если в какое-то воскресенье в главной церкви нет службы на финском языке, то Виктор может там служить в это воскресенье, специально сообщив всем русскоговорящим об этой службе. Московская патриархия уже машет руками из-за этого. С одной стороны, она осуждает Финскую церковь за то, что финны ничего не делают. Но когда финны начинают что-то делать, это тоже плохо.



священник Хейкки Хуттунен

Конечно, очень важно, что приехали люди из России, потому что самые интересные люди — из России. Россия такая большая. Это интересно обоюдно. Вам тоже интересно посмотреть, что у нас происходит. Мы живем в насквозь лютеранской стране. Православных здесь 1,5% населения, может быть, 2% с новыми эмигрантами. Здесь у нас тоже есть интересные люди.

По поводу идей о. Георгия Кочеткова я думаю, что если в Москве две церкви стоят рядом, то надо, чтобы одна служила по-русски, а вторая — по-славянски. А люди пусть идут туда, куда хотят. Сейчас Русская церковь очень беспокоится из-за того, что католики стали распространяться в России, но они умно ведут себя. Они употребляют русский язык, разрешают сидеть в церкви, по крайней мере, часть времени. И у них нет той беготни, которая есть в православных церквях. Поэтому, чтобы конкурировать с сектами и католиками, православная церковь сделала бы правильно, если бы из двух церквей, находящихся рядом (а таких церквей в Москве сколько угодно), одна служила на русском, а вторая на славянском языках. Тогда каждый был бы доволен. Кто хочет понимать богослужение, шел бы на русские службы. Это мое мнение. Я считаю, что в последние годы в России идет процесс сближения православия и католицизма, что в церквях...

— Вы знаете, митрополит Александр Буровым, который был в Москве, в конфликтах еще ни разу не слышал, поэтому немножко не представляю, о чем идет речь.

— Ну, скажем, о конференции «Единство Церкви».

— Там не было никакого конфликта, все как-то было очень мило, деликатно.

— Конфликт был очень напряженным.

— Ну, может, у некоторых людей вызывает какое-то напряжение, ну, такая оценка, но это уже их проблемы, это не внутрицерковный конфликт.

— Для Вас эти события, как и Ваши выступления по поводу тех священников, которые, как Вам кажется, неправильно мыслят, не связаны ни с какими тяжкими переживаниями?

— Нет, я очень спокойно к этому отношусь. Меня отчасти это как-то даже радует.

Дальнейшие комментарии, как мне кажется, излишни.

Александра Колымагина

В РУКЕ НЕ ДРОГНУЛ ПИСТОЛЕТ

К истории одного конфликта

стоящей всякому человеку необходимости дать ответ за содеянное на Страшном суде.

Да и сам о. Димитрий неужели не помнит широко растиражированную за десять лет и пушенную им в ход именно на «Единстве церкви» страшилку о том, что «нерукоположенные пресвитеры» из членов Преображенского братства «носят в знак своего пресвитерского достоинства наперсные кресты положенного образца»? Для любого человека, знакомого с жизнью упомянутого братства, обвинение звучит смешно и нелепо. Для незнакомого — звучит страшно и угрожающе, особенно когда вслед за этим образным шедевром о. Димитрий говорит о создании о. Георгием Кочетковым «параллельной структуры» в Русской православной церкви. Тем, кто еще тогда, в октябре 1994 г., в дни конференции, подходил к нему и говорил о необходимости восстановить правду, о. Димитрий отвечал, что для пользы дела можно еще не так солгать. Видимо, руководствуясь этим императивом, только за последнее время о. Димитрий успел не только

повторить (в том числе и в упомянутом интервью в «НГР») старинные обвинения, но и добавить к ним новые, доходящие до оскорблений: так, о. Георгий Кочетков, по его словам — «слаб и малоучен», «совершенно очумел»; труды его, в которых «выразилось какое-то психическое заболевание», написаны «абсолютно лукавым человеком», а подавляющее большинство членов опекаемого им братства — «психически неадекватные» люди.

С чем же связано такое, мягко говоря, неравнодушное отношение о. Димитрия к о. Георгию, которого он везде называет своим другом-приятелем (тоже, кстати говоря, не соответствующее действительности утверждение — хотя они и были краткое время хорошо знакомы, но друзьями не были никогда)? Остается только развести руками...

Я обратилась к о. Димитрию с несколькими вопросами, пытаюсь понять: не тяжело ли ему было публично клеветать на своего «приятеля», зная, что это может кончиться для оппонента очередными преследованиями.

В номере газеты «НГ-религии», вышедшем 5 марта 2003 г., появилось интервью с известным московским священником, прот. Димитрием Смирновым. Просматривая этот текст, очень разный по содержанию и характеру в своих частях, осведомленный читатель не может не изумиться описанию некоторых известных церковных событий.

Вспоминая прошедшую почти десять лет назад конференцию «Единство церкви», о. Димитрий утверждает, что на ней не прозвучало ни слова неправды. Увы, любой участник этого мероприятия, где пытались осудить деятельность оо. Александра Борисова и Георгия Кочеткова, может согласиться с этим утверждением лишь при одном условии: из слова «неправда» следовало бы (во всяком случае, по отношению к подавляющему большинству докладов) убрать частицу «не»: не прозвучало ни слова правды! Помнится, в день окончания конференции при попытке принять по ее результатам итоговое заявление заведующий Отделом внешних церковных сношений Американской православной церкви прот. Леонид Кишковский публично заявил, что происходящее ничуть не лучше сталинских расправ, а известный ученый, в то время преподаватель МДА, историк религии Андрей Зубов спрашивал у членов президиума, помнят ли они о пред-

ТРАДИЦИОННАЯ ВСТРЕЧА СРЕТЕНСКО-ПРЕОБРАЖЕНСКОГО БРАТСТВА

13-16 февраля под Москвой прошла IV Сретенская встреча преподавателей, студентов и сотрудников Свято-Филаретовского института, а также членов Сретенско-Преображенского братства и его друзей.

Кроме отдыха и общения, эти дни были наполнены для участников встречи многочисленными семинарами, посвященными проблемам еклесиологии, различным аспектам диалога (межрелигиозного, межконфессионального, внутрицерковного, внутрибратского), вопросам церковного единства. 15 февраля по благословению митрополита Ювеналия была отслужена праздничная литургия. К радости многочисленных причастников, на ней сослужил ректор Свято-Филаретовского института и духовный попечитель братства, священник Георгий Кочетков.

Среди собравшихся было множество детей и молодежи, и в течение всей поездки для них устраивались театральные представления, игры и мастерские.

Сретенские встречи, проводящиеся с февраля 2000 года, традиционно посвящены значительным

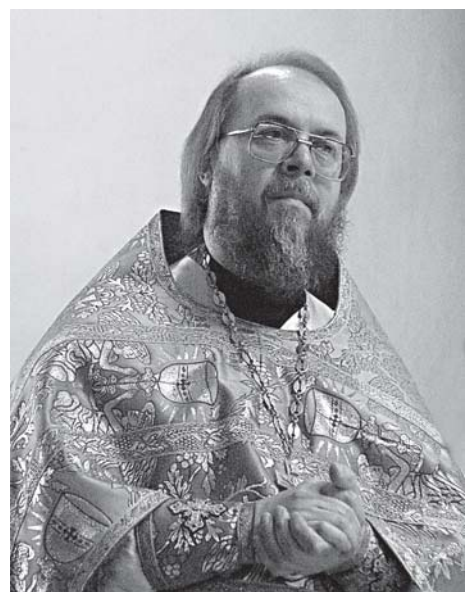
темам, которые обсуждаются в течение целого года всеми членами Преображенского содружества — членами Русской православной церкви, прямо или косвенно связанными с существующим уже более 30 лет опытом возрождения полной систематической катехизации взрослых. Разговор о диалоге, о том, что ему препятствует, каковы его цели и задачи, на каких путях возможна его полноценная реализация, будет продолжен на традиционной встрече содружества в дни празднования Преображения Господня, а также на международной научно-богословской конференции Свято-Филаретовского института «Вера — диалог — общение (проблемы диалога в церкви)», которая пройдет 24-26 сентября в Мос-



кве.

МЫ СОЕДИНЕННЫ ВО ИМЯ ХРИСТОВО

интервью игумена Кирилла (Семенова),
старшего священника Новодевичьего монастыря



— Что бы Вы хотели сказать о внутрицерковном диалоге, о его возможности и необходимости? Для нас особенно важно Ваше мнение, потому что и владыка, и Вы, и ваши прихожане во многом являют как раз образец такого диалога. Мы на своем опыте почувствовали, как за последнее время изменилось отношение и к нашим попыткам возродить в церковной жизни какие-то вещи, традиционные, но забытые, и к нам самим.

— Прежде всего я хочу сказать, что, конечно же, очень хотелось этого диалога и хочется этого диалога. Откровенно скажу, что сначала могло показаться так, что наши прихожане (не все наши прихожане, но некоторые) не очень, может быть, положительно откликнулись на факт прихода общины о. Георгия в Новодевичий монастырь. И нам пришлось много говорить людям о том, что нужно быть всем вместе, нужно молиться в одном и том же храме, никому не нужно уходить.

Никого нельзя потерять. Христос должен всех приобретать и соединять, и горе было бы для любой общины, для любого прихода, если бы хотя бы один человек по какому-то недоразумению был бы потерян. Я хочу сказать, что уже, наверное, около трех лет община о. Георгия молится и причащается в нашем храме. Я должен отметить, что наши прихожане, прихожане Новодевичьего монастыря, стали относиться к этому с большим пониманием, и сейчас уже нет никаких проблем, или, точнее сказать, почти нет, с тем, что такое огромное число людей как-то неожиданно и почти внезапно вошло в наш храм. Это проблема скорее, можно сказать, техническая, потому что храм вдруг стал наполнен многими людьми, и поэтому кому-то, может быть, стало неудобно молиться в таком переполненном храме. Это понятно, но ведь мы собираемся не для того, чтобы нам комфортно молилось в храме, а для того, чтобы мы все вместе молились Христу. Я думаю, в этом уже проявляется какой-то диалог — в попытке привыкнуть друг другу, в попытке совместного молитвенного общения, потому что это и есть Церковь — когда все соединены во имя Христово и молятся вместе.

Можно ли здесь говорить о каком-то диалоге? Я бы хотел сказать о том, что это не диалог внутри церкви, а монолог. Мне хотелось бы монолога, не каких-то диалогов между разными частями церкви. Понимаете, о чем я хочу сказать? Мы одно. Мы все должны быть одно во Христе. Здесь, мне кажется, уместен монолог перед лицом Христа, а никак не диалог.

— Может быть, многоголосие, хор?

— Да, это, пожалуй, альтернатива диалогу.

вопросы задавала
Александра КОЛЫМАГИНА

ПОПЫТКА ВОЗРОЖДЕНИЯ СОБОРНЫХ НОРМ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ В СУРОЖСКОЙ ЕПАРХИИ

Епархиальное собрание Сурожской епархии, состоявшееся 1 февраля и обсуждавшее вопрос ухода на покой митр. Антония (Блума) и кандидатуру его преемника (в роли которого «подавляющее большинство Епархиального собрания» видит еп. Василия (Осборна)) — одно из знаковых событий в сегодняшней жизни Русской православной церкви. Эта попытка вернуться к соборным нормам церковной жизни, а именно — к избранию представителей иерархии церковным народом — предпринята без стремления к противостоянию, но одновременно уверенно и недвусмысленно.

Несомненно, это событие невозможно воспринимать вне контекста того обсуждения различных подходов к епископскому служению, которое было предпринято этим летом в связи с назначением и отставкой еп. Илариона (Алфеева). Восприятие всего церковного народа, и мирян, и иерархии, как единого организма, а епископа — как наиболее служащего, находящегося ближе к вершине «перевернутой пирамиды» его члена, не может не привести к выдвиганию архипастыря именно всем церковным народом и почти неизбежному отторжению всякого «назначенца» из столицы. Не может не вспомниться в связи с этим событием и то внутреннее устремление к соборности, которое для многих связывалось и связывается с Большим Московским собором 1917-18 гг., с необходимостью подлинного обращения к его опыту и решениям.

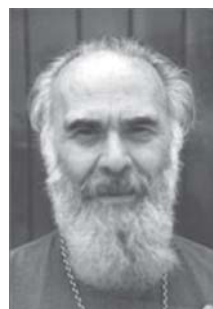
Конечно, многое будет зависеть от того, как будут дальше развиваться события вокруг Сурожской кафедры. Нельзя забывать, что попытка вернуться хотя бы к активному участию «гласа народа» в избрании и поставлении кандидата на пресвитерское служение, предпринятая несколько лет назад в Санкт-Петербургских духовных школах в прямо противоположном случае — в связи с отвержением недостойного ставленника, — имела более чем печальный финал (хиротония состоялась, несмотря на общее пение присутствующими «анакиос», т.е. «недостойн», и впоследствии именно за участие, прямое или косвенное, в этом протесте, ряд преподавателей был уволен, а студентов — изгнан из семинарии и академии). Посмотрим, что произойдет дальше, но значение уже происшедшего трудно переоценить. Ниже мы публикуем один из документов, обнародованных на сайте Сурожской епархии.

Заявление Митрополита Сурожского Антония

(сделано после литургии 2-го февраля 2003г.)

Вчера у нас было собрание Епархиального представительства, где представители всех приходов наших участвовали в размышлении вместе и в решениях. Первый вопрос, который был поставлен мной, это вопрос о моем уходе на покой. Я не поставил его как вопрос, а как решенный вопрос. Мне сейчас очень много лет. И силы, которые у меня были и которые я положил на создание нашего прихода, нашего храма, нашей епархии, убывают очень быстро. Я не в состоянии буду продолжать управлять епархией, и поэтому я собираюсь — с согласия епархиального собрания — подавать прошение Патриарху об освобождении меня от этой должности. Это не значит, что меня больше не будет, но тяжесть управления, тяжесть строительства уже не на мне будет. С этим связан еще другой вопрос. Мое здоровье сильно пошатнулось за последние месяцы. У меня больше нет даже телесной силы, которая мне нужна была бы для совершения своего дела. И вот собрание приняло мою просьбу, мое моление о том, чтобы меня отпустили, увя, с миром и благословением и молитвой, чтобы я не ушел как беглец, а ушел бы с вашей любовью.

С этим связан другой вопрос — моего наследника. Я предлагал своим наследником Владыку Василия, который уже много-много лет служит мне верным помощником. Я его предлагал, потому что я верю в его добротность, в его преданность служению Церкви и



Богу. Я просил собрание мое предложение принять, так чтобы я мог Святейшему не только от своего имени, но от имени представителей приходов наших Владыку Василия предложить, только предложить своим наследником. Но... решение не за нами. Мы можем только выразить наше желание и готовность его иметь. И решение останется за Патриархией. Владыка Василий согласился было на это решение, но с оговоркой, что неужели обратное решение Патриархии будет доказательством того, что он непригоден, что он не нужен. Мы должны его убедить и показать, что не в этом дело, что в епархию назначается человек, который должен ее вести определенным образом. Но что то, что другой человек не назначается, не набрасывает тени на него.

Третье, я предложил, и это было принято. И я это предложу Святейшему, чтобы особенная забота, личная забота во всех отношениях для русского-ворящей паствы была возложена на Владыку Анатолия. Он на это согласился. И в союзе дружбы и сотрудничества между тем, что остается от меня и Владыкой Василием, и Владыкой Анатолием, я надеюсь, что мы будем строить единую Церковь, что те разногласия, те расхождения, которые нашу жизнь разрывали в этом приходе в течение последнего года, будут побеждены. И что снова у нас будет, как в самые трудные, но в самые творческие времена, единство творческих сил православных людей для строительства Церкви.

«ВЕЛИКИЙ МОСКОВСКИЙ СОБОР» БУДЕТ ОБСУЖДАТЬСЯ НА КОНФЕРЕНЦИИ В БОЗЕ

Стали известны основные темы очередных международных научно-богословских конференций в Спасо-Преображенском монастыре в Бозе (Италия), традиционно проходящих в середине сентября. В 2003 году на «греческой» части будет обсуждаться наследие святых отцов, подвизавшихся в пустыне Газы (преподобного Варсонофия Великого, его ученика Иоанна и аввы Дорофея), а на «русской» — Поместный собор Православной Российской церкви 1917-1918 гг. («Великий Московский собор», как он назван в программе).

Преподаватели Свято-Филаретовского института в течение многих лет участвуют в конференции в Бозе. Именно там впервые прозвучали доклады ректо-

ра Института, свящ. Георгия Кочеткова, посвященные наследию преподобных Нила Сорского, Серафима Саровского и Силуана Афонского.

В работе конференции неоднократно принимали участие преподаватель церковной археологии Александр Копировский и преподаватель истории церкви Виктор Котт.

Заявленные в этом году темы не могут не вызвать особого интереса не только у специалистов-историков, но и у всех верующих. Это связано с тем, что решения Собора 1917-1918 гг. до сих пор не реализованы в Русской православной церкви, и их актуализация является одной из насущнейших задач современной церковной жизни.



На этой полосе в гостях у «Кифы» газета молодежного движения Преображенского содружества — «Фикус религиозус»

О РОСКОШИ

Человек давным-давно заметил о себе, что его манера быть разнится от прочих одушевленных и неодушевленных тварей; его походка по попрису, именуемому миром, особенна. Он здесь и не здесь. Сказанное у Пушкина о поэте:

*Едва достиг ты высоты,
И вот уж долу взор низводишь
И низойти стремишься ты.
На стройный мир ты смотришь
смутно;
Бесплодный жар тебя томит;
Предмет ничтожный поминутно
Тебя тревожит и манит*

— mutatis mutandis приложимо к человеку как таковому. Один из проницательнейших наблюдателей за человеком довольно метко назвал эту походку танцем. Впрочем, не будем увлекаться столь сложными материями, тем более, что человек именно в XX в. уделил этой своей походке и вообще своей персоне достаточно внимания, научившись отыгрывать взгляд от пейзажа вокруг пешехода и от художника, этот пейзаж описавшего. Предоставив экзистенции до поры до времени спокойно экзистировать, коснемся «предмета ничтожного», мелочи, сей экзистенции неизменно сопутствующей.

В своем шествии человеку свойственно поигрывать безделушками. Нередко мы склонны таскать за собой длиннейшие хвосты старья и барахла, не решаясь бросить не нужное больше, подобно призракам из «Рождественской песни» Диккенса, так что все наше движение превращается в волочение хвоста и только ему и служит. Но речь не об этом. Речь скорее о джентельмене (редко это безродный дебошир, ниспровергатель основ, хотя случается и такое, обычно — благородный дон, консервативных взглядов) пусть бедно — но не плохо! — одетом, с тростью, венчаемой перламутровым набалдашником, в руке, фамильным перстнем на пальце или томиком Овидия с золотым обрезом на полке. Разница между хвостатым субъектом и тем, что налегке — огромна. Их лишние вещи лишни диаметрально противоположным образом. Первый всецело принадлежит этому миру, хвост, как цепь, (куда нам без Диккенса) привязывает одного к другому, тогда как второй не хочет иметь с миром ничего общего, и его потрепанный — но не безвкусный — костюм мог бы быть сменен на новый, получше, за те деньги, что ушли на трость (перстень, фолиант). Словом, мы говорим о той разнице, согласно которой излишества в еде, работе, любви etc — признак безвкусицы, но излишество при растрачивании денежного эквивалента материальных благ почему-

то признается признаком наличия вкуса. Речь идет о роскоши. Упитья плохим вином — безобразно, но пригубить бокал «M-me Clicot» урожая N-го года (производящего в вашем кошельке ровно такое же опустошение, как и вышеописанная процедура в вашей голове) — совсем другое дело. То и другое — излишества. Так ли важно различие?

Маленькое замечание относительно различий. Кто посмеет настаивать на том, что лучше посетить в ущерб своему бюджету филармонию, нежели дорогой ресторан? — такая настойчивость покажется максимализмом или даже нездоровым морализаторством. Рискну предложить более откровенную антиномию: лучше написать в ущерб своему времени стихотворение или поспать еще часок? Но кому какое дело до того, как я распоряжаюсь своим временем? Разумеется, не было бы ничего ужаснее, чем лишать сна уважаемого читателя, не говоря уже о том, чтобы заставлять его терзать музу — цезарю цезарю, а Богу богово. Однако проглядеть различие между Богом и цезарем было бы пагубно, как пагубна любая слепота.

Но вернемся к излишествам. Конечно, дело не в деньгах. Дело в аристократизме. Один из первых борцов с роскошью, Катон, был демократом, а его главный политический противник Циципион, роскошествовавший в Ахайе, — аристократом. Кроме того, склонность к роскоши всегда отмечала общественный упадок, не случайно ее идеал всегда отнесен в прошлое. И здесь мы приближаемся к самому главному. Упадок общества, отмечаемый названной склонностью, сопровождается падением нравов. И снова дело вовсе не в морализаторстве. Ибо, тяготея к роскоши, общество стремится создать в доступной ему форме подобие основного для него разделения на профанное и сакральное. Не будем трогать Рим, а посмотрим на самих себя. Как бы мы ни относились к массовой культуре, нам доводится жить в эпоху небывалого обобщения опыта, самого головокругительного в истории приведения человечества к общему знаменателю. Изогнутая в трех местах линия отнюдь не родит у китайца ассоциации с драконом, у африканца с рогами антилопы, а у европейца с плугом — в любой точке земного шара значок будет безошибочно атрибутирован как «McDonald's», «Marlboro» или «Microsoft». Тоска по внесению хоть какого-то разнообразия в свой опыт и есть столь желанная сегодня элитарность. Но массовая культура имеет еще одну сторону. Хороший продукт не работает добротой и вручную в миллионах экземплярах — именно такой продукцией мы в основном и пользуемся. И мы стремимся к вещам редким, ав-

ВЕЧНОЗЕЛЕНАЯ ГАЗЕТА

Сразу объяснимся: почему, собственно, «Фикус», да к тому же «религиозус». Фикус — род вечнозеленых растений (так написано в энциклопедии), то есть он умудряется в себе сочетать нечто всегда юное и нечто непреходящее. Religio — означает «связываю». Мы смеем надеяться, что наш «Фикус» сумеет связать ниточкой настоящего общения всех тех, кто наш «Фикус» будет почитывать. Времени на вдумчивое и кропотливое чтение должно всем хватить, поскольку свежий «Фикус религиозус» возвращается лишь раз в три месяца. «Фикус» несет в себе много полезной, интересной, а главное, честной информации о мире, о Церкви Христовой, о молодежных движениях в мире и Церкви, о наболевшем, о том, что нельзя скрывать, о прочитанном и увиденном. Ствол и листья нашего «Фикуса» — это место встречи православной молодежи, неправославной молодежи, православной немолодежи и просто хороших людей со всего бела света. Надеемся, что вам понравится наше незатейливое растение. На его листьях Вы найдете юмор и серьезные раздумья, интервью на самые актуальные темы и рецензии на книги и фильмы, интересующие наших читателей. Предлагаем Вашему благосклонному вниманию один из последних плодов нашего «Фикуса» — размышление о массовой тяге к ... элитарности.

торским, изготавливаемым на заказ. Дело даже не в том, что их тысячи, а не миллионы — не все же настолько помешаны на элитарности, — дело в том, что серийные виски подкрашены карамелью, в серийных консервах мало мяса, в табаке — табака, в популярной науке — науки, а в искусстве — искусства. Неудивительно, что, живя в мире суррогатов, мы стремимся к подлинности. Спрос, как известно, рождает предложение, и появляется роскошь — класс товаров, чья цена — что гениально почувствовал все тот же Катон, введя в назидание потомкам свой знаменитый налог, — лишь указатель: «необщее». Подлинность такого товара всячески подчеркивается: гаванские сигары скручиваются на бедрах мулаток, элитные сорта табака собираются сборщиками в десятом поколении. Часы Rolex стоят столько, сколько они стоят, вовсе не потому, что они надежнее других — часы на руке, только обозначающая время, как бы неподлинны; можно сделать их солнечными либо заставить отсылать к чему-то более конкретному, например, четко определенному кругу их носителей.

Но вернемся к пешеходу, с которого мы начали. Возможно, дело здесь еще в одном уж вовсе незначительном различии. Приведенный нами в начале отрывок представляет собой «описание» поэта с точки зрения «обывателя». Отсюда взор, затуманенный поэтическим вдохновением, неотличим от взора, затуманенного принадлежностью к «подлинному». Но отличие есть. Мы начали с того, что человек непостижимым образом выдвинут из этого мира. Говорить об этом — дело философов: по их словам человек причастен «иному» (Платон), «трансцендентному» (Кант), он — «рыцарь бесконечности» (Кьеркегор), его бытие «граничит с ничто» (Хайдеггер). Выделение сакрального в противоположность профанному есть, таким образом, ограждение места для трансценденции. Однако подобная выдвинутость в ничто требует от нашего пешехода некоторых усилий, не исключено, что ему и в самом деле придется умереть, чтобы жить. Потому неудивительно, что пешеход, бессильный отвернуться от своей причастности иному, стремится к облегченному ее формам, пытаясь как-нибудь «одомашнить» иное. В нашем мире суррогатов проще остановиться на полпути: стремление к иному, к выделению сакрального, довольствуется прикосновением хоть к чему-то подлинному; роскошь становится суррогатом трансцендентного. Все это не имеет ничего общего с социально-демократическим пафосом обличения приобритательства и служения «желтому дьяволу». Если на то пошло, можно скорее вспомнить золотого тельца — образ ветхозаветный и не

имеющий вообще-то отношения к деньгам (золото — культовый металл, евреи не знали золотой монеты, деньги по древнееврейски — «серебро»). Поклонение тельцу — мерзость перед Богом не как стремление к материальному достатку, но как предпочтение суррогата — кумира — Богу.

Возможны возражения: мол то, о чем идет здесь речь — одно из уникальных уродств тоталитаризма, стрижки под одну гребенку огромных масс человеческого скота, словом того, что на русском языке 10-летней давности звалось «совком». Аристократическое общество для такого быдла — аналог царствия небесного. Мол, попыхивая экземплярном Dunhil за пару тысяч фунтов, современный член палаты лордов ни капли не упивается своей исключительностью. Пожалуй, разница действительно есть, но она в другом. Опыт «совка» mutatis mutandis — преимущественный итог XX века для всего мира, не случайно Фолкнер — один из важнейших его писателей. Водораздел проходит не между несчастными уроженцами стран с тоталитарным прошлым и остальным «нормальным» миром, а между этим самым миром и горсткой лордов во главе с оставшимися королями и королевами. Но они и есть то самое сакральное, столь необходимое обществу, что общество с энтузиазмом содержит его за собственные деньги. Английская королева — не свидетельство того, что этот народ еще знает, что такое настоящая родовая аристократия, напротив, сама театрализованная атмосфера культа традиционного аристократизма яснее всего показывает, что даже здесь он окончательно сдан в музей.

Джентльмен с тростью вызывающе непрактичен, и то, чему он бросает вызов — мир («пошлость», «безвкусица», «вульгарность», «прозаизм» etc).

Вызывающее поведение часто оказывается поднято на знамя самыми стабильными слоями общества, в самом сердце этого мира. Это вовсе не странно. Все мы отличаемся отменной зоркостью, когда нужно разглядеть своего в толпе несвоих. В военное время, кто на чьей стороне — важнее всего. Две враждующие армии набраны из порвавших с трансцендентным и причастных ему. Незначительная разница между подлинной и напускной отстраненностью взгляда, между (ну что за непристойная настойчивость!) филармонией и рестораном не ускользнет от того, чья профессия — вербовка новобранцев. Мы вольны не думать о войне, это наше личное дело и никто не имеет права вторгаться на нашу личную территорию. Но тем самым мы не застрахованы от возможности быть неожиданно подстреленными.

Николай Энтин

НАМ НУЖНО ИДТИ К ЛЮДЯМ

Интервью священника Артемия Скрипкина, ответственного за работу с молодежью в Санкт-Петербургской епархии

— Работа с молодежью — это Ваше послушание или Ваше призвание?

— Думаю, и то, и другое, и очень хорошо, когда это совпадает. Я по благословению владыки курирую отдел по делам молодежи епархии. Работа с молодежью у нас ведется очень разносторонняя. Например, Татьянинская конференция, которая сейчас проходит, посвящена работе в вузах. Это одна сторона. Другая сторона — работа с различными общественными молодежными организациями. Есть мероприятия музыкальные, есть мероприятия спортивные. В общем, работа осуществляется сейчас весьма и весьма широким фронтом.

— У Вас уже появились какие-то свои рецепты или принципы того, как найти общий язык с молодежью?

— Рецепты и принципы во все времена, по-моему, одни и те же: нужно идти к людям. Если ты хочешь что-то сказать и что-то услышать от них, нужно идти к ним и обращаться со словом проповеди, конечно, на языке современной культуры, на языке современности.

— С этим был связан мой второй вопрос. Я, по образованию филолог, слышу сейчас со стороны церкви достаточно агрессивные выступления даже в адрес классической культуры, например, русской литературы XIX века, обвинения ее в нецерковности. Насколько я представляю, Вы держаете использовать даже

язык современной культуры. Почему? И каково вообще Ваше отношение к этой проблеме: «Церковь и культура»?

— Я думаю, что здесь нет проблемы, собственно говоря. Проблема только в нас самих. Проблема возникает тогда, когда мы не можем адекватно на языке современности выразить вечную Истину. Так это не проблема Истины и не проблема современности. Это проблема нас. Мы должны быть ретрансляторами, переводчиками. Для того нас Господь и поставил пасти словесно свое стадо, чтобы мы эту свою функцию осуществляли. Если мы не можем это делать, то, простите, зачем мы нужны? Если соль не является соленою, то ее выбрасывают. Что касается того, что церковь, как Вы сказали, выступает против культуры, я думаю, что это не церковь, а какие-то отдельные маргинальные круги, не представляющие собой суть нашего церковного сообщества и не являющиеся основополагающим церковным авторитетом.

— Если я Вас правильно поняла, культура — это тот язык современности, на котором церковь может выражать вечную Истину?

— Не только может, а должна и обязана это делать. К этому она и призвана — свидетельствовать об Истине: «Я для того пришел, чтобы свидетельствовать об Истине», — сказал Христос. Сие Он заповедал нам, Своим ученикам.

— Еще вопрос об акции «Рок к Небу»,

которую Вы проводили. Я правильно поняла, что Вы были одним из ее инициаторов?

— Да. Это тоже в своем роде уникальное событие. Впервые был осуществлен православный рок-концерт, если такое словосочетание может вообще существовать. Но факт есть факт. Собрались музыканты и исполнители, которые попытались языком своего творчества, своих песен выразить такого рода творческую направленность, которая бы имела отношение к высшим абсолютным ценностям. Может быть, напрямую и не говорилось о Боге и о Церкви, но весь дух концерта, ощущение единства, соборности, любви и открытости, которое присутствовало, мне кажется, было христианским. Концерт удался. Больше всего мы боялись, что он распадется, превратится в нечто бесформенное и главная идея не будет отражена — именно направление к Небу. Но этого не произошло. И мы видим в этом особое благословение Божье.

Единственное, что я хочу сказать, что концерт, конечно, не был рассчитан изначально на церковных православных людей, особенно тех, кто, может быть, когда-то слушал рок-музыку, но сейчас отдалился от нее. Это прежде всего была миссионерская акция. Я это говорю, чтобы здесь не было непонимания такого рода. Если кто-то говорит, что я православный и на концерт не пошел принципиально, то это совершенно нормальная ситуация,



потому что концерт был направлен прежде всего на тех людей, кто еще не является членами Церкви или стоит на ее пороге, чтобы авторитетные для них исполнители впервые, может быть, высказали свое отношение к православию, отношение к вере, к Богу, к высшим ценностям. Это мне кажется главными миссионерским эффектом от всей акции.

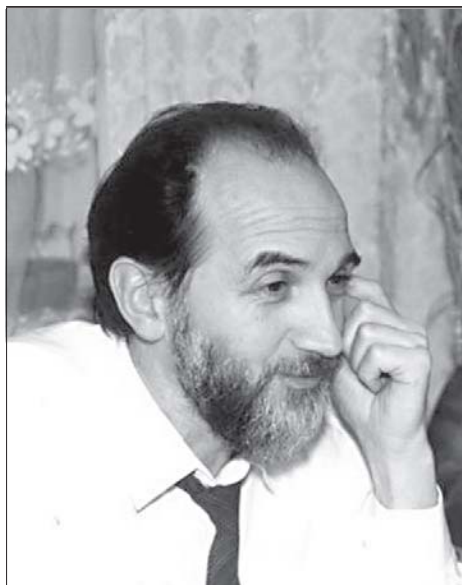
— О каких-то плодах этого концерта говорить еще рано?

— Думаю, главный плод — это то, что он состоялся. Более того, мне кажется, состоялся не просто один концерт, а появился новый жанр.

Т.е. Вы считаете, что это будет иметь продолжение?

Я в этом уверен.

Вопросы задавала
Юлия БАЛАКШИНА



— Что собой представляет молодежное движение, за которое Вы отвечаете? Это какой-то монолит, или отдельные группы, или и то и другое, или ни то, ни другое?

— Если это движение, то какой же это монолит? Монолит — это крепость, которая кого-то и от кого-то защищает или камень, на котором что-то строится. А молодежное движение по определению должно быть чем-тодвигающимся, живым и в этом смысле не имеющим слишком жестких границ. То есть это не организация. Это много групп, которые иногда друг с другом связаны, а иногда не очень связаны.

— Как появляются эти группы? Это дети членов Содружества или просто молодые люди, которые, каким-то образом узнав о молодежном движении, пришли в него? Сколько времени такие группы существуют, и что с ними происходит потом?

— Это группы, состоящие из самых разных людей: и из детей членов Содружества, и из тех, кого они позвали, и из тех, кто узнал о них каким-то непостижимым или постижимым образом, то есть это открытые группы. Они возникают через открытые встречи, куда приходят и старшие (те, кто уже

ЧЕЛОВЕК РЕШАЕТ САМ

Интервью Александра Копировского, ответственного за молодежное движение Содружества малых братств

ведет такие группы) и молодые люди, о чем-то говорят, и потом объявляют, что такие встречи можно продолжить. За двенадцать лет, с весны 1991 г., когда появилась первая молодежная группа, их возникло довольно много. Из них несколько прошло полностью путь от собеседований на церковные или околоцерковные темы, или на общечеловеческие темы с церковных позиций — через размышление (пусть не всей группы, а какого-то «ядра») о собственном воцерковлении, то есть покаинии и, для некрещеных, крещении — к общей жизни в церкви. Сейчас есть самые разные группы, проходящие разные этапы этого пути, есть и такие, которые живут «рядом» с нашим Содружеством — «знакомые», «соседи»... По крайней мере раз в год, на День молодежи, где-то в середине февраля, мы собираемся все вместе, вместе разговариваем, вместе молимся, устраиваем трапезу, какие-то представления. Вот все это и есть молодежное движение, которое мы иногда в шутку называем пока еще не движением, а «брожением». Но в нем есть, на мой взгляд, главное: то, что люди сознательно устремляются к воцерковлению. Есть и «программа-минимум», и мы этого не скрываем. Для кого-то участие в молодежном движении — возможность «пересидеть» трудные годы в «приличном месте», вместе друг с другом и со старшими, что как-то смягчает конфликт поколений.

Центр наших встреч — это общение молодежи друг с другом и со старшими. Это дружба, короче говоря, самая настоящая дружба, очень хорошая. Вовсе не учительство. Каждый делится тем, что имеет, потому что и взрослые нуждаются в молодежи — об этом как-то все забыли — а не только молодежь нуждается во взрослых.

— Многие ли молодые люди из тех, кто начал ходить на встречи, потом «теряются»?

— Многие. Наверное, половина. Но я не знаю, стоит ли оценивать это трагически, потому что мы не ставим перед собой задачу «охвата», «приобщения», «формирования», когда каждый процент идет в минус. Для нас важнее сохранить дух открытости. Мы в любой момент можем «подобрать» человека, который «выпал» и решил вернуться, или нигде не был и решил зайти, или который везде был, но ему тоже интересно. В принципе мы открыты для всех, и это очень здорово. Видимо, в самом начале был взят верный курс, и эту живую ниточку удастся сохранить, не «отсеивая» даже там, где человек буквально напрашивается на это, но и не удерживая насильно с бесконечными уговорами — «подожди, одумайся!». Человек должен определяться сам.

Вот, кстати, самостоятельность — тоже одна из отличительных черт нашего движения. Потому что, с одной стороны, мы хотим, чтобы молодежь наладила контакты со взрослыми, с другой стороны — чтобы почувствовала свою самостоятельность. Поэтому на наши встречи мы не приглашаем родителей, даже если они очень просят (хотя и есть отдельные встречи, которые молодежь специально проводит для родителей). Мы должны сами научиться за все отвечать. И сейчас у нас есть, например, достаточно длительные поездки, где человек действительно за все отвечает — и за еду, и за ночлег. Дисциплина при этом достаточно строгая, но это не родительская опека, а именно самостоятельность и ответственность.

Вопросы задавала
Александра КОЛЫМАГИНА

Документ, который мы здесь публикуем, к сожалению, подлинный. Более того: в городе N (подлинное название которого редакции известно) уволены настоятелем храма те, кто в течение трех лет успешно занимался работой со скаутами.

ПОЛОЖЕНИЕ О ДЕТСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РАЗВЕДЧИКОВ-СЛЕДОПЫТОВ г. Н

1. Возглавляет организацию настоятель храма.
- В компетенцию главы ДПОРС входит:
 - Рассмотрение, корректировка и утверждение программ работы отдельных мероприятий.
 - Подбор кадров для работы с детьми (утверждение кандидатур вожатых).
 - Ответственность за духовно-религиозную составляющую работы: Рекомендации и определение режима участия детей в богослужении; Отслеживание и планирование таинственной жизни разведчиков; Рекомендация пастырей-окоормителей
 - проведение родительских собраний;
 - контроль перемещения детей.
2. Вожатые:
 - касательно работы с детьми ДПОРС и реализации принятых программ находятся в неукоснительном послушании главе ДПОРС (настоятелю храма).
 - Старший представляет ежеквартальный отчет о проделанной работе в течение месяца после окончания квартала (апрель, июль, сентябрь, декабрь).
 - За месяц до начала квартала (декабрь, март, июнь, август) представлять на утверждение проект работы, мероприятий подробно (место, состав участников всех сторон, тематики, поденно (в определенных случаях по-часово))
 - Старший вожатый после утверждения программ отвечает за выполнение мероприятий.
 - Учет поступления и выбытия детей с ежемесячным отчетом главе.
3. Совет вожатых имеет совещательную функцию при главе организации.
4. Общий совет ДПОРС (с участием детей)
 - круг обсуждения вопросов определяется главой.
 - Возможность принятия решения общим советом в том или ином случае определяется главой.

ПРОБЛЕМЫ МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО ДИАЛОГА В КРЫМУ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

(по материалам отчетов уполномоченных Совета по делам РПЦ по Крыму)



Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), причтенный в 1996 г. к лику святых — выдающийся хирург, лауреат Сталинской премии, многие годы проведенный в тюрьмах и ссылках за исповедание веры. В послевоенные годы он оказывал существенное влияние на духовную жизнь страны. Его проповеди печатались в «Журнале Московской Патриархии» и расходились в рукописях, к его советам прислушивался патриарх Алексий I, к нему тянулась нескончаемая цепочка тех, кто искал свой путь к Богу и в Церковь. Власти, чтобы ограничить влияние архипастыря, добились от церковного руководства перевода Луки в 1946 году из Тамбова в Крым. Но и здесь он развил бурную деятельность. О Луке написано немало книг. Однако многие архивные материалы, проливающие свет на духовную жизнь послевоенного Крыма, до сих пор не введены в научный оборот. К ним, в частности, относятся документы уполномоченных Совета по делам РПЦ и уполномоченных Совета по делам религиозных культов, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации. Они помогают лучше понять специфику религиозной жизни в советском обществе конца сороковых — начала шестидесятых годов прошлого, XX века, в том числе и тех ее сторон, которые касаются межконфессионального и межрелигиозного диалога.

В послевоенные годы в Советском Союзе религиозный фактор практически не оказывал влияния на общественную жизнь. Достаточно просмотреть газеты тех лет, чтобы убедиться, что никаких религиозных проблем в СССР не было. Самой религии, впрочем, тоже почти не было. По крайней мере — в качестве фактора, о котором имело смысл говорить в общественных местах и по общественно значимым поводам.

Мир, в котором жили советские власти, был поделен на две части — ту, в которой кипели классовые бои, бушевали националистические страсти и вообще происходило множество всяческих безобразий, и ту, где строили коммунизм, где все любил СССР как свое Отечество, а нарушители, посягающие на братскую семью народов, выполняли задания гидр мирового империализма.

Религия, как атрибут старого мира, учитывалась в играх политтехнологов на международной арене. Но в СССР она решительно была выведена за скобки общественного сознания и рассматривалась исключительно в качестве пережитка прошлого.

Это не значило, конечно, что партапаратчики доверили выстраивание межрелигиозных связей внутри страны самим верующим. Напротив, характер взаимодействия религиозных объединений определялся в кабинетах чиновников. Поэтому неудивительно, что легитимных мест для встречи представителей разных религий было не так уж много — форумы мира, международные конференции по проблемам разоружения и солидарности трудящихся всех стран и подобные им пиар-акции.

Вне международного контекста межрелигиозные контакты не только не приветствовались, но рассматривались как угроза атеистическим устоям. Религиозный компонент, по логике идеологов нового мира, занимал малую часть в сознании советского верующего, которому разрешалось «отправлять культ», участвовать в обрядах. На этом, похоже, исчерпывалась легальная связь с другими верующими. Ни о каком серьезном общении и речи быть не могло.

Тем не менее, скрытые формы диалога в СССР существовали. В кухонных посиделках, в кулуарных разговорах и частных письмах обсуждались интересные определенные вопросы. Открытое же общение между верующими разных конфессий и религий было смелым шагом, возможным для немногих — для таких людей, как Лука.

В документах Совета по делам религиозных культов сохранился любопытный рассказ о том, как архиепископ в 1948 году «прибыл в молитвенный дом евангельских христиан-баптистов в сопровождении двух монашек и одного священника». «Его приветствовал пресвитер общины Костюков. Лука выступил и заявил, что прибыл к ним, как к верующим в единого Бога, и что он надеется на распространение веры в народе», — сообщает в центр уполномоченный Совета и немедленно принимает меры: «За

допущение на кафедру архиепископа Луку Костюков предупрежден старшим пресвитером». (ГАРФ, Ф. 6991, оп. 3, № 1173, л. 123, 125).

После этого визита Лука попытался и к адвентистам сходить. Но здесь уже работники невидимого фронта были начеку, да и руководство АСД сильного желания не проявило.

Особо стоит отметить отношение святителя к католикам. В отчетах сохранился доклад одного из священников кафедрального Троицкого собора о том, «что Лука незаконно заставил его причащать католиков... Я волю Луки выполнил только потому, что он, вызвав меня, сказал: «Если ты не будешь исповедовать и причащать католиков, ты мне не нужен, я тебя из собора уволью». (ГАРФ, Ф. 6991, оп. 1, № 1596 л. 18).

Святитель не сводил межрелигиозное общение к христианскому диалогу. Об этом можно судить по такому факту. 27 апреля 1957 года, в день своего восьмидесятилетия, во время праздничного обеда он попросил стенографистку принести поздравительную телеграмму от иудеев. «Лука рассказал, что поздравления еврейская община прислала потому, что он в одной из проповедей сказал о важной миссии еврейского народа». (Ф. 6991, оп. 1, № 1497 л. 35).

Несмотря на эти и подобные им фигуры поведения, Лука был далек от безбрежного экуменизма. Он умел «различать духи», чувствовал, понимал «духовную составляющую» ситуации. И когда вопрос касался прозелитизма, не боялся резких слов. Не случайно среди его выступлений мы можем найти немало антисектантских речей. В одном из разговоров с уполномоченным он прямо говорит, что после того, как написал ряд проповедей о заблуждениях сектантов и протестантов, «отход от церкви христиан, за исключением Мазанки, меньше, чем в других областях Украины», а после проповедей в Алуште «в лоно РПЦ вернулось много бывших сектантов». (Ф. 6991, оп. 1, № 1596 л. 7).

Соединение открытости и трезвости, проявляемое крымским архиепископом, способствовало созданию особой атмосферы взаимного доверия верующих друг к другу. Скажем, когда в середине 50-х годов иудеи Евпатории отчаялись зарегистрировать свою

общину, они обратились с письмом к патриарху Алексию, прося у него поддержки. В тех суровых условиях патриарх, конечно, мало чем мог помочь. Но важно было само ощущение, что ты не один противостояшь безбожной власти, и чувство общего противостояния ей, бесспорно, сглаживало острые межконфессиональные углы.

Однако и межрелигиозные трения существовали, и тому было несколько причин. Одна из них имела отношение к истории. Загнанные в культурное гетто, не имея возможности заниматься просветительской работой среди прихожан «служители культа» во многом механически транслировали традиции, обраставшие всевозможными байками. Старые этноконфессиональные обиды при этом странным образом находили себе дорогу к сердцам в виде мифологем. Отсутствие же духовного образования мешало



спокойно отделить правду от вымысла. Так медленно и незаметно под атеистическим прессом росли мифологические цветы зла, давшие о себе знать уже в другую, постсоветскую эпоху.

Баптисты нередко сравнивали свое вероучение с православным, «говоря, что они верят в невидимого Иисуса Христа, а русская православная вера только в изображения несуществующих ликов святых». (Ф. 6991, оп. 3, № 1172, л. 224). Православные священники, в свою оче-

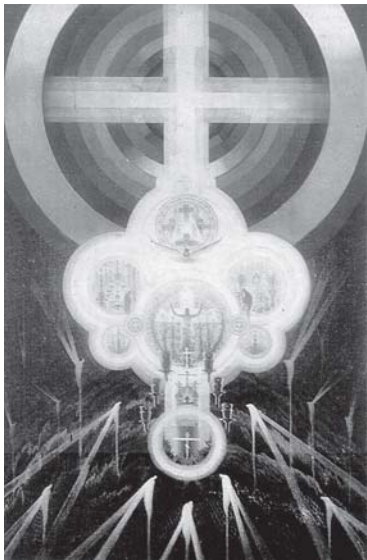
редь, обличали ересь протестантизма. И на этом диалоге приходил конец, и всплывали всякие исторические неправды, прошлое властно вторгалось в настоящее, и тогда в словах проповедников разных конфессий слышались отзвуки эпохи религиозных войн. Скажем, адвентист Брова говорил: «В Америке президентом избран католик Кеннеди. Нам, братья и сестры, надо быть готовым ко всему. От католиков хорошего ждать нечего». (Ф. 6991, оп. 3, № 1813, л. 78). «Разборки» шли и между различными протестантскими деноминациями. Так, старший пресвитер ЕХБ Мирошниченко жаловался уполномоченному «на проповедников евпаторийского общества АСД, которые в субботу, в день Рождества, в своих проповедях поносили верующих ЕХБ за то, что они празднуют Рождество». (Ф. 6991, оп. 3, № 1813, л. 9). Иногда межрелигиозный конфликт проявлялся и в виде ложно понятой миссии. Раввин Богопольский рассказывал: «На той неделе к нам на молитвенное собрание приходил один «субботник» и поднял крик, что ему во сне явился Христос и велел передать всем евреям, чтобы они три дня говели, иначе бог всех накажет. Кричал долго, большого труда стоило, чтобы вывести его из синагоги». (Ф. 6991, оп. 3, № 1184, л. 4).

И все-таки подобные трения не могли надолго омрачить жизнь религиозных объединений. С началом же хрущевских гонений религиозные разборки потеряли всякую актуальность. Люди протестовали против «придурковатого» волюнтаризма партийных чиновников, требовали смягчения антирелигиозной политики. Именно в эти годы вопрос о единстве верующих перед лицом атеистического государства встал со всей остротой. В отчетах уполномоченных тому есть немало подтверждений: «В декабре 1963 года один из идеологов пятидесятников-сионистов на сборище группы пятидесятников в г. Симферополе проповедовал, что сейчас необходимо единство всех духовных церквей и группировок, чтобы легче отражать стрелы лукавого, т.е. бороться с органами власти.

В таком же духе высказываются и некоторые священнослужители русской православной церкви. В сентябре 1963 года в Крыму находился священник из г. Свердловска Луганской области игумен Носов Василий, который посетил ряд городов Крыма и среди духовенства высказывал свои мысли, что спасение русской православной церкви в соединении с католической церковью. Эту свою мысль он аргументировал тем, что для православных безразлично кто будет главой церкви, но лучше подчиняться папе Римскому, чем коммунистической безбожной власти, которая задалась целью ликвидировать всякую религию. Разве у нас в России православная церковь управляет патриарх, спрашивал Носов и отвечал, что нет, не патриарх, а безбожник уполномоченный. В таких же грехах обвиняют уполномоченного и «чистые» баптисты, и адвентисты. Другой священник, Филимонов Алексей, в г. Евпатории по вопросу объединения всех религиозных сил заявил, что соединение церквей может нанести сильный удар атеистам». (Ф. 6991, оп. 3, № 1816, л. 4).

В наши дни нелишне вспомнить те годы. Понимая всю сложность и болезненность межконфессиональных проблем, осознавая невозможность простых решений в сфере межрелигиозного диалога, сегодня нельзя не чувствовать межрелигиозное противостояние как неправду, а межхристианские разделения как наш общий грех и нашу общую боль, как нашу общую внутреннюю задачу, которую вновь и вновь нужно пытаться решать.

Борис КОЛЫМАГИН



Виталий Линицкий. Композиция

В середине 1970-х годов в составе живописной секции Горкома графиков («Малая Грузинская») стало оформляться движение, за несколько лет превратившееся в оригинальное и цельное направление: ряд живописцев обратились к религиозной теме.

Известно, что в эти годы было запрещено официально выставлять современные картины с религиозным сюжетом.

одна из его узловых проблем - поиск и обращение к «внутреннему»: таким понятиям как «традиция», «содержательность», «духовность». Художников в это время волнует создание не столько универсальных, сколько индивидуальных творческих систем, самостоятельных художественных миров. Уникальность отечественного религиозного искусства 70-х-середины 80-х годов в том, что расширились рамки самого понятия «религиозная живопись». Это могла быть и «молитва своими словами», и попытка глубокого переживания и освоения традиции мирового религиозного искусства, как западноевропейского, так и восточно-христианского, взгляд на религиозное искусство сквозь призму истории. Шёл свободный поиск - художники в равной мере не зависели ни от какой цензуры, и каждый нашел собственный путь.

Владислав Провоторов отталкивается скорее от европейской традиции религиозной картины. В 1980-81 он пишет цикл «Страстей Христовых»: «Несение креста», «Снятие с креста», «Распятие», в котором творчески пережиты уроки северо-европейских мастеров, мастеров

«Свете тихий» (1988) была написана вскоре после воцерковления художника, и в ней выплеснулись его личное, эмоциональное переживание церковной службы: пение, свет, курение ладана. Религиозная тема для художника является частью процесса жизни, возможностью выплеснуть свои восторги, эмоции, переживания. Одна из главных задач живописца - внутреннее свечение живописи (именно на его передачу настроивала школа Ситникова) - имеет глубокую традицию, идущую от иконописной традиции к символизму, и связана с изображением Фаворского света - света Преображения.

Творчество Сергея Потапова отразило духовные поиски поколения 70-х годов, прошедшего непростой путь от буддизма к христианству. Работы художника начала 70-х (они написаны на клеенке, с деревянной, иногда бамбуковой рамой, которую можно было сворачивать) отражают стремление най-



Сергей Потапов. Ландшафт с погибшими на Соловках иерархами

Между тем и сегодня, почти через пятнадцать лет после отмены антицерковных законов, такой феномен как светская религиозная живопись «эпохи застоя» остается малоизвестным, несмотря на то, что он содержит уникальный опыт, требующий и теоретического, и исторического осмысления в контексте мирового христианского искусства XX века. Неясна позиция церкви по отношению к этому искусству, не осмыслено его место в истории современного искусства, его значение в жизни общества... В то же время есть твердая уверенность в

ХУДОЖНИКИ С МАЛОЙ ГРУЗИНСКОЙ

религиозная живопись 70-х

Однако на полуофициальных выставках Горкома графиков они экспонировались. В то время в СССР набирало силы инакомыслие, совершались крупные политические события (например, подписание «Хельсинкских соглашений»). Одним из проявлений глубокой потребности во внутренней свободе стало обращение к теме веры и церкви. В этом обращении нельзя видеть лишь протест, так сказать «негатив». Скорее, сама возможность реализовать свое инакомыслие публично, хотя бы и полуофициально, давала возможность выйти на поверхность художественной жизни той подводной реке, которая на протяжении 20-х, 30-х, 40-х и 50-х годов была представлена именами В.Чекрыгина, Л.Жегина, С.Романовича, А.Рыбникова, в эти годы поддерживавших тонкую, почти прерывающуюся нить национальной традиции.

На Малой Грузинской «метафизическое направление» было широким и подлинно оригинальным - оно выделяло эту группу художников не только из официального искусства, МОСХа, но и из нон-конформистского искусства 1960-х годов, хотя и там существовала «метафизическая линия».

На середину 70-х годов в России пришелся «религиозный ренессанс». Многим это казалось чудом, «живым ростком на, казалось бы, навсегда выжженной земле» (так писал в 1987 году в религиозном самиздатовском журнале «Выбор» В. Якубов). Религиозное искусство 70-х-80-х годов, безусловно, связано с возрождением веры, особенно знаменательным после ударов по церкви, нанесенных в хрущевскую «оттепель». Многие из художников круга «Малой Грузинской» стали священниками (Виталий Линицкий, Владислав Провоторов, Сергей Симаков, Геннадий Огрызков) или иконописцами (Александр Лавданский и ряд других художников Горкома).

Это время представляет собой важнейший период в отечественном искусстве XX века, и

итальянского Возрождения, экспрессионизма и сюрреализма. Характерно, что художник предпочитает работать циклами, разворачивая тему во времени и пространстве: «Видение пророка Иезекииля» (триптих, 1986), «Семь смертных грехов» (первая картина относится к 1981, затем разворачивается в полиптих в 1988).

Виталий Линицкий работает, опираясь на древнейшую христианскую образную и цветовую символику, стремясь превратить свои произведения в «зримое богословие». Почти одновременно он начинает заниматься искусством и становится послушником в Троице-Сергиевой Лавре (начало 60-х годов). Его искусство быстро обрело специфический, символический язык, связанный с попыткой переосмыслить канон, но в пределах традиции. В 1978 году он написал серию «Апокалипсис» (12 холстов), затем «Яблочный Спас», «Литургия» (серия из 12 работ), серию «Композиций», «Туринская Плащаница», в которых символическое изображение духовных событий через символику Света утверждает близость двух миров - земного и горного. В его картинах присутствуют христианские символы и святыни - сфера, артос, крест, плащаница, веточки вербы. Художнику присущ своего рода аскетизм художественных средств: геометрическая отрешенность его работ выявляет бесстрастность и структурность, иерархичность мироздания. Он максимально удаляет личное, «душевное» в восприятии того или иного духовного события. У Линицкого развита цветовая символика: чаще всего синий, «духовный» цвет. Он никогда не пишет лиц, исключение - изображение плащаницы.

Ученик Василия Ситникова Владимир Петров-Гладкий на «пейзажах с храмами» учился писать пространство. Одно из любимых учебных заданий Ситникова - белые святилища фигуры в пространстве - вывело художника к образу «Ангела-Хра-

ти общность христианских и буддийских символов через единую индоевропейскую праяснову. В работах «Ландшафт с погибшими на Соловках иерархами» (1979) и «Оптина пустынь» (1982) запечатлена тонкая связь исторического и природного пространства с «астральным», - как его называет художник, - ландшафтом.

У Константина Кузнецова религиозная тема появляется в работах с начала 1980-х, временное воцерковление художника: «Донской монастырь» (1982), «Истра» (1983), «Рождество» (1984 и 1985), «Гора Фавор» (1987). Темы работ вырастают из личного религиозного опыта и через осмысление истории, русской архитектуры и поэзии, античной культуры, именно через культуру он приходит к вере.

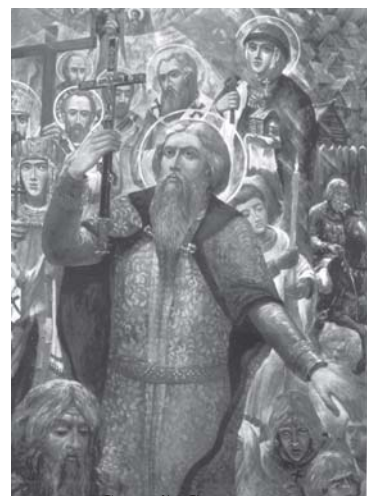
Сергей Симаков синтезирует каноническую и светскую живопись. «Мои картины, - говорит он, - написаны приемами этого мира, но стремлюсь я показать мир иной, мир вечный». Одним из первых он начинает работать над религиозными темами, внутренне связанными с событиями отечественной истории: «Сергий Радонежский» (1979), «Поход от церкви» (1981), «Россия моя... 1380» (1980), «Поклонение пастухов» (1981), «Затмение» (1985). Изобразительный язык Симакова построен на «монтажных» планах и образов, многочисленных культурных «цитатах».

Игорь Кислицын с середины 70-х начал писать пейзажи с храмами, словно выступающими из мягкой световоздушной дымки. Затем он обращается к древнерусским иконам, свободно вводя некоторые иконописные приемы в картинное пространство, где они неожиданно открывают свою фольклорную, народную сторону.

Очевидно богатство и многообразие подхода художников к религиозной теме, глубокая и искренняя потребность в освоении, переживании и воплощении личного духовного опыта и общемировой культурной традиции религиозного искусства.

его необходимости, его «нужности», в том числе и для дальнейшего развития именно искусства церковного, канонического, которое раньше или позже, но встанет перед необходимостью освоить и переработать художественный язык современного светского искусства (в котором, к слову, в XX веке, происходило многое, и не только негативное). Так было в эпоху превращения Византии в христианское государство, когда складывался канон (а ведь в античном искусстве, которое легло тогда в основание искусства церковного, не было тех следов христианской традиции, которые есть в современном искусстве, пусть и не во всяком). Так было в XIX веке, когда в церковное искусство было «допущено» искусство светское, академическое, особенно в храмовых росписях (интересно, что сегодня именно оно воспринимается как традиционно церковное). Сегодня трудно сказать, каким путем может пойти художественный диалог светского и церковного искусства. Возможно, возникнет синтез, возможно - параллельное развитие. Но очевидно, что такой диалог и необходим, и неизбежен.

Анна ФЛОРКОВСКАЯ,
кандидат искусствоведения,
научный сотрудник
института им. Сурикова



Сергей Симаков. Свержение Перуна

КОММЕНТАРИЙ МОСКОВСКОГО ЧИТАТЕЛЯ

Художники «Малой Грузинской» прославились тем, что их первую выставку вблизи ВДНХ просто снесли бульдозерами. Потом им дали помещение, и на их выставки мы ходили с о. Георгием (священником Георгием Кочетковым - прим. ред.) несколько раз (однажды стояли в очереди на морозе 5 часов). Относительно «совка» с его всеобщей сухостью это был какой-то свежий ветер. Здесь присутствовал дух, или, точнее, самые разные духи. Мы отметили для себя несколько человек. Например, Виталий Линицкий с его наполненными светом картинами. Нам они не понравились, показались чужими по духу, хотя было видно, что это мастер. Мы говорили с ним, спрашивали: у Вас нет лиц, одни затылки в капюшонах и свечи - почему? Он очень удивился, сказал, что в этом и видит духовность - их же много! Нас поразило, что человек, который четыре года был послушником в Троице-Сергиевой Лавре, не вынес отсюда никаких представлений о православной духовности, об иконе, лице, личности... Теперь он епископ в какой-то раскольнической юрисдикции. Еще один яркий интересный художник - Отари Канадууров - выставлял портреты деятелей русской культуры с совершенно стеклянными глазами и другие картины с какой-то темной мистикой. Потом лет через десять он выступал по телевизору уже как глава какого-то нового оккультного течения. Был еще ряд любопытных художников. Но мне больше всего запомнился Александр Харитонов. Примечательно, что по Малой Грузинской, а по его маленькой выставке в Дмитрове, в соборе XVI века, который тогда - в начале 70-х - был музеем. Наткнувшись на эту выставку, я был потрясен какой-то удивительной чистотой его картин. Сюжеты как бы лубочные: народные сценки, иногда монахи, иногда церкви, техника похожа на мелкую мозаику. Но за всем этим - какая-то удивительная правда и настоящая духовная высота... Потом мы с удивлением увидели работы Харитонova на Малой Грузинской. Он не то чтобы смотрелся там чужеродно, там самые разные направления и формы мирно соседствовали. Просто он был другой. Впоследствии одна из моих коллег познакомилась с ним лично. Он был тогда пожилым человеком (кстати, интересно, - среди графиков была не одна молодежь) и, в отличие от художников, эксплуатировавших религиозную тему в основном по форме, пришел к содержанию, стал церковным человеком. При этом он не бросал живопись, ее не хулил, не стилизовался под икону, как с некоторыми бывает, а продолжал писать все в той же манере - очень легко, очень художественно, живописно. Когда я прочитал статью о «малых грузинах», которую готовили к печати в «Кифе» - очень интересную, очень хорошо сделанную - мне захотелось добавить эти несколько слов, потому что всколыхнулось что-то в памяти, как будто повеяло тем самым свежим ветром. Удивительно, что тогда на Малой Грузинской даже очевидно нехристианские (впрочем и христианские тоже), нецерковные вещи не были агрессивны, их можно было обсуждать и сравнивать очень подробно. А некоторые работы оставили ощущение совсем чистого воздуха...

Александр КОПИРОВСКИЙ

КРАТКИЙ КУРС И КАТЕХИЗИС

«История учит тому, что ничему не учит» — эти не без основания сказанные кем-то из деятелей прошлого слова вспоминаются и цитируются сегодня нередко. Новая же книга известного церковного историка Д.В.Поспеловского «Тоталитаризм и вероисповедание» (издательство Библейско-богословского института св. апостола Андрея, 2003) предназначена как раз для тех, кто все же считает извлечение из истории уроков делом жизненной необходимости. По признанию автора, книга, как и лежащий в ее основе курс для православных учебных заведений, родилась из осознания им актуальности темы для современной России и той реальной угрозы, которую несут сегодня в ней тоталитарные тенденции и настроения. Как отмечает автор в предисловии, «задача книги — проанализировать, что такое тоталитаризм, в чем его опасность», что он и делает с помощью систематически, подробно и живо излагаемого исторического материала, снабженного тщательно откомментированной библиографией. Одна за другой проходят перед глазами читателя картины зарождения, становления, упадка и последствий тоталитарных режимов, возникших в XX веке в самых разных странах мира.

Тоталитаризм — эту, быть может, самую страшную духовную болезнь минувшего столетия, стоившую человечеству

миллионы жертв — Д.В.Поспеловский характеризует как «секулярную религию утопизма», «не только античеловеческий, но и богоборческий соблазн». При всей актуальности данной темы для человеческого общества в целом, автора как православного христианина не может не волновать в первую очередь именно церковный аспект проблемы. Он надеется, что его труд «поможет читателю противопоставить тоталитаризму Церковь Христову, понять, что любое проявление тоталитаризма в жизни Церкви есть ее искажение, искажение Христового учения любви уже хотя бы потому, что тоталитаризм зиждется на ненависти и подходе к человеческой личности как к средству для достижения каких-то неосуществимых утопий в отличие от подлинного христианства, для которого каждая личность единственна и неповторима, ибо она создана по образу и подобию Бога».

Это, безусловно, благородная задача. Однако сама ее постановка говорит о наличии трудного,

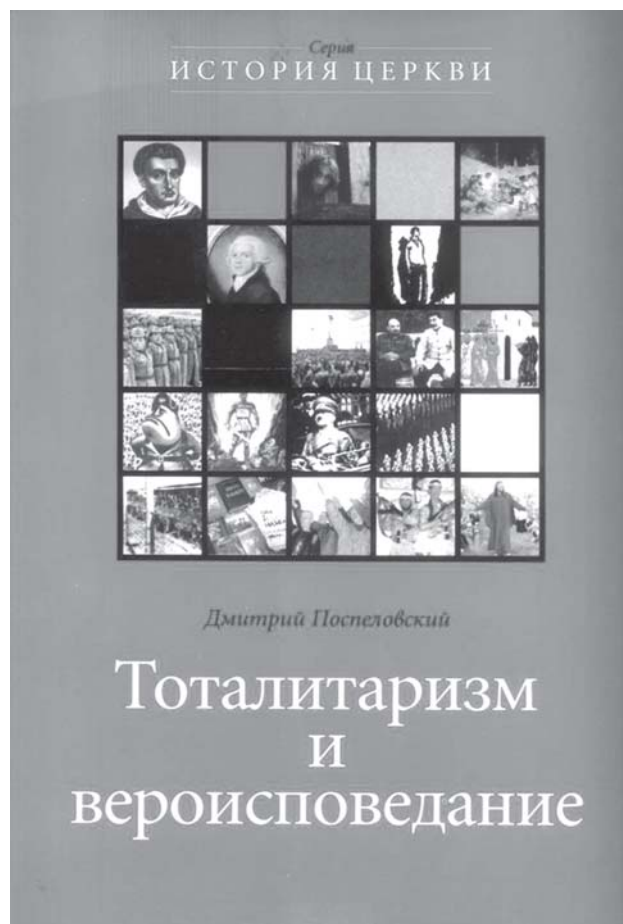
поистине мучительного для христианского сознания вопроса: если Церковь и тоталитаризм несовместимы, то как и почему внутри церковной ограды время от времени становятся возможными тоталитарные проявления? Излишне и говорить, насколько актуальна эта проблема в сегодняшней российской действительности,

о которой мало сказать, что «яд тоталитаризма не мог миновать и церкви» — приходится признать, что в нашем с таким трудом излечивающемся от тоталитарного сознания обществе церковная среда порой становится буквально резервацией этого сознания.

Книга Д.В.Поспеловского, кроме прочего, тем и ценна, что способна стимулировать попытки осмысления духовной подоплеку проблемы. Противопоставляя Церковь тоталитаризму, автор в то же время не может не отметить видной невооруженным глазом «параллели между политическим тоталитаризмом и тотальностью (полнотой) отдачи глубоко верующим человеком себя Богу». Здесь, пожалуй, и может быть найден некий ключ, подход к проблеме. Ведь разве не к этим полноте и целостности нередко вопиет человеческое сознание, страдающее от раздробленности, раздираемое противоречиями вследствие отпадения от Бога и поражения грехом? Эти полнота и целостность

жизни, согласно вере христиан, обретаются во Христе и на пути следования Ему, в то время как тоталитаризм предлагает их подмену — целостность «винтика» системы и стремящиеся к своей полноте обезличивание и порабощение человека. Если же в христианстве угасает дух, оскудевает любовь и оно перестает быть путем следования за Христом — остается «прекрасная форма», «убранный дом», пригодный, в соответствии с евангельской притчей, для заполнения духами иными, заставляющими находить в атрибутах церковной традиции лишь «единственно верное учение», бездумное «послушания выше поста и молитвы», подавляющую рутину «Домостроя», а в отношениях с другими четкие указания: кого любить, кем гнушаться и кого сокрушать. Тогда с печалью приходится убеждаться, как действует кем-то подмеченная закономерность: в том христианстве, которое, сохраняя внешнюю форму, теряет подобающее ему внутренне евангельское содержание, качество жизни на практике может оказаться ниже, а плоды — хуже, чем в обществе, явно не исповедующем Христа. И стоит ли тогда нам так уж удивляться тому, что христианство все меньше ассоциируется в этом мире с глубинными чаяниями каждого человеческого сердца?

Дмитрий МАТВЕЕВ



УМЕНИЕ СТАВИТЬ ПРАВИЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

(Начало на стр. 1)

Но чем особенным может удивить их мнимая идеальность, мнимая уже потому, что она-то исторически выказала свою полную нежизнеспособность, сдавшись на милость всепобеждающего опытного знания, жизненного своей привязанностью к практике и повседневности?

Думается, что, невзирая на свое исчезновение, если и было в истории европейского образования что-то действительно достойное удивления и даже восхищения, то именно два вышеназванных мира. Только внутри них люди не боялись размышлять и видеть самих себя в космических и даже метакосмических масштабах, только там мир, в который входил человек, мог быть целым, и поэтому сам

человек мог быть целым миром, хотя и не всегда успевал разглядеть его в себе, может быть от трепетной захваченности величием мироздания. Само основание мира — воззрения (разрядка намеренная) было или удивлением античного философа, или восхищением делами рук Творца.

Оно возводило человека от суеты и рутины временного пребывания к вершинам подлинного бытия с его потаенным смыслом, влекущей тайной целью, оно провоцировало непрерывное беспокойство о своем месте пред Богом и в мире, наконец, об исполнимости и принципиальной исполнимости своего назначения. Образование в таком контексте представало орудием бытия, тонким инструментом, позволяющим избегать блужданий и всегда двигаться, не-

взирая на неизбежные ошибки. В этом оно открывается как средство, цементирующее подлинное основание человеческой жизни — свободу.

Образованность, как теперь ясно, не есть заведомое знание ответов. Она в умении ставить правильные вопросы и так находится в пространстве вопрошания, чтобы улавливать неведомо откуда приходящие ответы. Она и в свободе ищущего незнания, а также в умении разглядеть аналогичное движение в чужом свободном поиске.

Какими неподражаемо действенными предстают здесь сократические диалоги, которые бесконечно расширяют пространство вопросов, притягивающих действительные, доводящие до экстаза ответы! Каким торжеством раскрепощенности кажутся средневековые университетские диспуты, позволяющие спорить там, где, казалось бы, все уже совершилось! Ведь Бог все устроил, и однако при этом творение продолжается в сотворчестве с человеком, и в приобщении к этой тайне только и может складываться

и возрастать образованность — как нажитый в долгих странствованиях нехитрый, но весомый скарб, — пусть он и не подлежит ни обмену, ни продаже. Образованный в таком смысле не знает никакого успеха, но может и в определенной мере научился распознавать настоящую жизнь, а значит у него есть намного больше, чем список удач или набор счастливых моментов, — он приобрел опыт пронизательности, в которой истина и ложь никогда не смешиваются, и значит в его образованности собралось то, что не может пропасть или потерять в цене.

С другой стороны, образованность далеко еще не святость, и даже не гарант, и не единственное средство ее обретения. В этой антитезе образованности и святости таится еще одна тайна.

Философия (любовь к мудрости) оправданно считала настоящую мысль поступком, и следовательно, всякое подлинное понимание («схватывание») — свершением. Вполне логично допустить, что настоящая образованность, как

состоявшаяся пронизательность, как сложившееся драгоценное умение поиска за пределами очевидности, как утвердившаяся тяга к первоосновам, и есть в своем пределе такое любомудрие. Но в этой, кажется, неоспоримой тезе есть, увы, и немалая опасность: есть здесь большой соблазн считать подлинное живущим того и только того, кто образован, коль скоро у него появилась способность прикосновения к невидимым основаниям бытия.

Итак, начав с сокрушения о современном презрении к подлинному образованию, мы закончили опасностью отождествления его с конечной целью земной человеческой жизни. И этим вопросом — как пройти по царскому пути между ними — мне и хотелось бы закончить свою статью, ибо ответом на него не может быть никакая, самая тонкая и глубокая мысль, а только жизнь, ставшая этим, приводящим к ожидающему нас главному ответу, путем.

Давид ГЗГЗЯН,
канд. филол. наук,
преподаватель РГПУ

ПИЛГРИМ ТЕАТР ДУХОВНОЙ ДРАМЫ

каждый вторник 18.11 19.30 25.11

А.Мезенцева "ДОРОГОЙ ГОГИ" МОНОСПЕКТАКЛЬ ПО ПОЭМЕ МАТЕРИ МАРИИ (СКОБЦОВОЙ) "ЖАТВА ДУХА"

м. 791 45 92 - e-mail: pilgrim@newmail.ru - www.teatr-pilgrim.narod.ru м. "Кузнецкий мост" ул. Петровские линии, д.1 ДК "На Петровских линиях" напротив гост. "Будапешт"

Редакторы: Александр Буров (СПб) Александра Колымагина (Москва)	Над номером работали: Владимир Лидский Дмитрий Матвеев Александра Ошарина	Анастасия Наконечная Евгения Спиридонова Татьяна Тыртыш	Фото: Анатолий Мозгов Иллюстратор: Татьяна Аразян	Дизайн: Андрей Марсеев Верстка: Татьяна Зельникова	Тел./факс: (095) 923-03-80 e-mail: kifa@list.ru Тираж 999 экз.
---	---	--	--	---	---